

БОРИС КЛЮЧНИКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ СТРАТЕГИИ ПОБЕДЫ

*Благословен еси, Боже,
Звери укротивый и
Погасивый огонь.*

(Из Канона Похвалы
Божией Матери)

Антигитлеровская коалиция

Обращаясь к прошлому, задумываясь о событиях той судьбоносной эпохи, когда наш народ совершал немеркнущие подвиги и привёл мир к великой Победе, мы, изучая документы, сталкиваемся со всё новыми загадками истории. Одной из них является создание антигитлеровской коалиции. В этой связи следует напомнить младшим поколениям, что в первые 20 лет после революции Советский Союз был “мировым изгоем”, таким, какими ныне являются Куба, Иран, Северная Корея. Наши отцы восстанавливали страну в условиях изоляции, осады. Запад щедро финансировал Веймарскую Германию, возрождая её военную машину.

Едва ли кто-либо из серьёзных политиков мог за 5–6 лет до начала Отечественной войны представить, что Англия и США станут союзниками коминтерновской России. Показательна в этом отношении история о том, как США признали в 1933 году Советский Союз спустя 16 лет после революции.

Известно, что этот смелый акт совершил президент США Ф. Д. Рузвельт. В беседе с Черчиллем он вспоминал: “В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России”¹.

Советский Союз был для Запада “белым пятном”, о котором западные демократии, при всей их показной гласности, решили ничего детям не рассказывать: ни о праве на труд, ни об отсутствии безработицы, ни о бесплатном образовании и здравоохранении, ни о героическом самоотверженном труде наших отцов и матерей.

И только такой неординарный человек, как Рузвельт, решился признать СССР. Разумеется, не в качестве “подарка” Сталину. Не замечать достижений Советского Союза было уже неразумно. Так же, как и переоценивать опасности Гитлера, который в том же 1933-м пришёл к власти в Германии.

Фашистский молох грозил стать более грозной опасностью, чем Советский Союз, занятый после изгнания Троцкого не мировой революцией, а строительством социализма в одной отдельно взятой стране. Выход вырисовывался простой: поддерживать связи и с Москвой и с Берлином, а затем в удобный момент столкнуть их. Широко известна стратегическая установка Гарри Трумэна. 23 июня 1941 г. Трумэн, тогда сенатор США, заявил: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше”².

Такова вечная установка англосаксов: у них нет постоянных друзей; постоянны у них только “национальные интересы”. В страшной войне Ирана с Ираком (1980–1988 гг.) так Америка и поступала: вначале поддерживала Иран, потом Ирак, а в итоге повесили упрямого националиста Саддама.

В напряжённой дипломатической борьбе 30-х годов не было “агнцев Божих”. Это нынешние либеральные историки, работая за гранты Сороса, обвиняют Советскую Россию в безразличности: как это аморально – заключать с Гитлером пакт о ненападении...

Не буду останавливаться на этом широко известном эпизоде. Он был ответом на отказ западных демократий создать в противовес фашизму прочную систему коллективной безопасности. Пакт был ответом на мюнхенский сговор Запада в 1938 году с Гитлером. С волками жить – по-волчьи выть! Наша дипломатия победила: 1 сентября 1939 года началась “странная война” Англии и Франции с Германией. Мы получили почти двухлетнюю отсрочку от неизбежной схватки с фашизмом. Гитлер напал на Польшу, на нашего вечно мятежного соседа, который в 1938 году тоже участвовал в разделе Чехословакии.

К великому счастью для России и её народов, страна наша к началу войны избавилась от иллюзий о мировой революции, в которой русскому народу предназначалась участь вязанки хвороста, чтобы разжечь “мировой революционный пожар”. Не классовые, а державные национальные интересы во всё большей мере выдвигались на первый план. В фашистской Германии рабочие, 6 миллионов которых голосовало за коммуниста Э. Тельмана, покорно влились в вермахт и оккупировали всю Европу.

Державная установка советской дипломатии ясно видна из эпизода о переговорах Черчилля со Сталиным в 1944 году. Спор шёл о границах Финляндии. Старый колониалист вспоминает, что он ехидно напомнил советскому лидеру революционный лозунг Ленина: “У меня в ушах всё ещё звучит знаменитый лозунг: “Никаких аннексий и контрибуций”. Может быть, маршалу Сталину не понравится, что я это говорю?” Сталин с широкой улыбкой ответил мне: Я же сказал Вам, что становлюсь консерватором”³.

Да, дипломатия того времени была чрезвычайно гибкой. Не просто было создавать антигитлеровскую коалицию – для Запада после мюнхенского сговора, а для Советского Союза после “Пакта Риббентропа–Молотова”. Напомню, что писала “Правда” ещё 2 февраля 1940 г.: “Пожар второй империалистической войны, зажжённый англо-французскими империалистами, бушует за пределами нашей родины”. Без малого целый год длилась “странная война”, когда, как писал Шарль де Голль, “некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России – оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем о том, каким образом справиться с Германией”⁴. Французское правительство всё ещё надеялось, что Гитлер после Польши продолжит свой “Drang nach Osten”. Вермахт за две недели разгромил Польшу и вышел на советские границы. В Париже уповали на несокрушимость “линии Мажино”. Франция уподобилась старой черепахе, втянувшей голову в панцирь. Шла парламентская и правительственная чехарда, что производило на полковника де Голля впечатление чудовищного фарса. Он на всю жизнь сохранит отвращение к парламенту, к его безмозглым и безответственным либеральным краснобаям, которые дореформировали армию до того, что Франция, гордая своей победой в Великой войне 1914–1918 гг., осталась беззащитной перед страшным ударом немцев 10 мая 1940 г. Их бронирован-

ные лавины обошли “линию Мажино”. Танковый корпус Гудериана через неделю вышел к Ла-Маншу, а через 6 недель взял Париж.

Немцы, потеряв всего 60 тысяч человек, захватили в плен более миллиона английских и французских солдат и офицеров. Британская армия была сброшена в море. В полной панике она эвакуировалась из Дюнкерка на свои острова. Франция тоже не могла устоять: парламент, сенат, правительство, армия, флот, даже генеральный штаб кишели восторженными сторонниками Гитлера.

Вожди военных лет

Таинственные силы выдвинули в те годы отчаяния четырёх лидеров, которые навсегда вошли в историю. Во главе сражающейся Франции встал де Голль, человек, “смысл жизни которого, по его словам, с юных лет состоял в том, чтобы во имя Франции совершить великий подвиг”. Он презирал банальную карьеру, обладая широтой взглядов, трезвым холодным и гибким умом, уверенностью в себе и в правоте своего дела. Это делало его вождём побеждённого, но не сдавшегося народа. Это понял Уинстон Черчилль, ещё один гениальный политик и дипломат. Своим изощрённым умом и редкостным дарованием находить и расставлять талантливых людей, он сделал ставку на никому не известного в начале 1940 года, не утверждённого генерала Шарля де Голля. Он пренебрёг мнением серых чиновников из Форин-оффиса и после первой встречи с де Голлем сказал окружению: “Вот коннетабль Франции!”⁵⁵ (коннетабль – военный вождь).

Так случилось, что во главе каждой из четырёх великих держав встали такие политические гиганты, как Сталин, Рузвельт, Черчилль, де Голль. Прошло с тех пор 70 лет, но таких великих деятелей история более не выдвигала. Возможно, правы те историки, которые считают, что само Провидение в великие эпохи выдвигает великих людей. Всюду в мире чтут память лидеров антигитлеровской коалиции: есть культ де Голля, культ Черчилля, культ Рузвельта. Только Сталину не повезло. Его усердно пытаются забыть. Не получится! Потому что это была не с р а в н е н н а я личность. Некоторые авторы фальсифицируют по заказу историю, навязывают молодому поколению идею, что Сталин был союзником Гитлера. Так при опросах говорят 70 процентов молодых американцев. В 2008 г. президент Дж. Буш в речи поставил Сталина в один ряд с Гитлером. Закоренелый русофоб З. Бжезинский пишет: “Миру давно пора объявить Сталина таким же преступником, как Гитлер”⁵⁶. Зачем это делается? Ясно, чтобы не дать России подняться с колен. Русофобам вторят доморощенные ниспровергатели, которые и не родились бы, не будь побед советского оружия. Гибнет лев, его и ишак норовит лягнуть, – говорят на Востоке.

То, что все четверо были львами и в политике, и на полях сражений – нет сомнений. Ф. Д. Рузвельт происходил из богатой патрицианской семьи. Его предки были в числе отцов-основателей Соединённых Штатов. Рузвельт с 39 лет был прикован полиомиелитом к инвалидной коляске. Но этого инвалида американский народ четыре раза выбирал президентом, несмотря на то, что конституция страны запрещает это делать более двух раз. 12 с половиной лет в годы великого кризиса и великой войны Рузвельт неизменно вёл свой народ к победам, сделав США самой могущественной державой мира. Он победил всевластие олигархов, “которые обогащаются за счёт своих акционеров и простых людей”⁵⁷.

Задачи, которые решал Ф. Рузвельт, поразительно похожи на те, которые стоят перед Медведевым и Путиным. За год, всего за один год, он сумел подавить бандитский беспредел, оргпреступность, коррупцию, безработицу, алкоголизм. Ограничил власть банкиров и олигархов. **“Новый курс” Рузвельта не признавал рыночной вакханалии.** Он следовал советам Д. М. Кейнса о социальном государстве. Рузвельт был и остаётся самым популярным президентом в истории США. Барак Обама считает его образцом для себя. Прежде чем стать военным лидером, Рузвельт обеспечил своему народу сносное жилище, право на труд и отдых, на образование, на защиту в старости и т. д. Он считал англо-голландскую модель “торгового строя мира” хищнической, противоречащей христианству, готовился запретить завыв-

шенный ссудный процент. Биограф Першинг рассказывает об одном интервью Рузвельта. Его спросили:

– Вы поддерживаете капитализм?

– Нет.

– Тогда вы, наверное, социалист?

– Нет.

– Какова же в таком случае ваша философия?

– Моя философия? Я христианин и демократ и ежечасно подтверждаю это своими делами. Вот и всё”.

Многие годы марксистская историческая наука не желала видеть различий в политических взглядах и подходах Рузвельта и Черчилля, исходя из догмы, что они защищали интересы одного и того же класса. Я уже писал об этом на страницах “Нашего современника”⁸. Однако советская дипломатия и лично Сталин видели и практически использовали противоречия между ними. Сталин никогда не доверял “старой лисе” Черчиллю, которого тем не менее считал великим государственным деятелем. Он был весьма расположен к Рузвельту и многое сделал, чтобы добиться его доверия. Оба лидера знали, что если не будет согласия между СССР и США, если не будут ликвидированы колониальные империи, мир сохранить не удастся. Рузвельт в спорах с Черчиллем о судьбе колоний рассчитывал на поддержку Сталина и получил её. Четвёртый сын Рузвельта Эллиот оставил интереснейшие воспоминания об отце. В них он писал: “Для него Соединённое Королевство и его колониальная система были намного более крупным противником Соединённых Штатов, чем Советская Россия”⁹. Многие авторы подтверждают, что Черчилль опасался Рузвельта.

Читая воспоминания современников, создаётся парадоксальное впечатление, что меньше всего у лидеров антигитлеровской коалиции было личной неприязни и столкновений с классовым врагом, с коммунистом Сталиным. Рузвельт, например, не доверял Черчиллю и заочно невзлюбил де Голля, полагаясь на оценки советников. Ему в 1940 году докладывали, что за де Голлем, этим заносчивым анахронизмом наполеоновской Франции, стоит кучка таких же вздорных французов, укрывшихся в Англии. США признали правительство Франции прогитлеровский режим Петэна в Виши. Рассказывают, что Рузвельт смеялся над тем, что де Голль сравнивает себя то с Жоржем Клемансо, то с Жанной д’Арк, хотя знал, что это злые вымыслы петэновцев.

Де Голль остро нуждался в признании его комитета **единственным** правительством Франции. И дождался его прежде всего от Советского Союза. Вопреки настойчивым советам англосаксов, наше правительство в коммюнике от 28 сентября 1942 г. признало деголлевский Французский национальный комитет “единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан... и представлять их интересы”.

История сотрудничества и борьбы де Голля с англосаксами актуальна ныне как никогда ранее. Взаимопонимание, партнёрство и дружба России с Францией, да и с Германией, ныне становятся геополитическим императивом: идёт распад последней империи – империи англосаксов и становление многополюсного мира. Де Голль вошёл в историю не только как человек, поднявший Францию с колен, но и как геополитик-континенталист, автор стратегии “Европы до Урала”. Он был едва ли не самым пронзительным из лидеров, смотрел едва ли не глубже и дальше самого Сталина, ибо в годы непоколебимого господства в СССР марксизма настойчиво, в присутствии Сталина, повторял лозунг “Vive la Russie éternelle”. Да здравствует вечная православная Россия (которая ныне в либеральных муках возрождается и возродится, как Жар-птица).

В “Военных мемуарах” де Голль вспоминает о тягостных годах изгнания в Англии: “Как мне трудно было сопротивляться британской машине, когда её пускали в ход, чтобы навязать нам что-либо”¹⁰. Сплочённость, настойчивость, гибкость англичан поражали де Голля, вызывали то гнев, то зависть, то восхищение. “Англичанам помогала присущая французам склонность уступать иностранцам”, – писал он. Незавидное качество, которое так присуще ельцинско-козыревской дипломатии. Де Голль был неуступчив, он, например, ныне ни в коем случае не стал бы участвовать в блокаде Ирана. О том, как в Лондоне ему выламывали руки, он пишет так: “И вот наступала решительная атака. В ход пускались все средства, приводились все аргументы, все упрёки, звучали все мелодии. ...Если мы не уступали, предлагалось закрыть со-

вещание. А потом наступал эпилог... являлись посредники и заявляли, что, по-видимому, произошло недоразумение. Влиятельные лица начинали интересоваться моим самочувствием... Наконец родился **английский** проект по урегулированию спорного вопроса. Этот проект очень походил на то, что ранее предлагали французы”¹¹.

Вспоминаю и я многие годы работы в ООН, когда приходилось тесно сотрудничать с англичанами и американцами в десятках стран Азии и Африки. Многие из них были замечательными коллегами, стали друзьями. Но могу засвидетельствовать и то, что дипломатические приёмы и англичан, и их учеников американцев остаются прежними. Вежливо, но неизменно всем своим поведением они дают понять: *We are the best, we are the first* (мы лучше, мы первые). Вдумайтесь в их культуру, в их фильмы, их литературу: всюду восхваление не столько ума, доброты, справедливости, а **воли, воли к победе**, ставка на силу и упорство, прикрываемые очаровательной галантностью, личной к вам симпатией и тонким расползающимся к себе юмором. Без преувеличения замечательный народ, изъян его лишь в том, что он не догадывается, что их драгоценная воля, свобода и демократия уже давно завязаны на коротком поводке финансовой олигархии. К чести этих упорных и гибких людей добавлю, что между собой они признают, что уважают такие же твёрдые характеры людей, стойко отстаивающих интересы нации. **Напротив, они снисходительно, а то и презрительно смотрят на соглашателей и компрадоров, вроде нашей “элиты”, хотя и охотно пользуются услугами этих “полезных идиотов”**.

Новому поколению российской дипломатии, униженному в 90-е годы козыревской политикой, приходится заново учиться и стойкости, и основательности. Учиться в том числе и у советской дипломатии. Она, например, могла бы принять участие в травле де Голля, следуя принципу быть всегда на стороне сильных и влиятельных. Но нет! Она поддержала дерзкого, тогда бессильного, изгнанника. Де Голль с благодарностью вспоминал, что в своём противоборстве с англосаксами он получал “ободряющие знаки из истекавшей кровью России”: “Посол Богомолов давал мне понять, что... Россия осуждает эту политику англосаксов и что, в случае крайности, она сумеет этому противостать”¹².

Иначе вёл себя Черчилль. Он уговаривал де Голля склониться перед Америкой, перед её богатством и могуществом. “Ничего не форсируйте”, – увещевал де Голля Черчилль. – Смотрите, как я: то склоняюсь, то снова выпрямляюсь”. “Вам это можно, – отвечал де Голль. – Ведь вы опираетесь на государство, сплочённую нацию, единую империю, сильные армии. А я?! Что у меня есть? ...Я слишком беден, чтобы позволять себе сгибаться”. Да, тогда жили люди упорные, с характером, люди больших страстей. Два года спустя англичане официально отдали должное де Голлю: в годовщину Великой французской революции 14 июля 1942 года Черчилль в речи сказал: “Благодаря решению де Голля Франция никогда не покидала поле битвы”¹³.

Отдавал должное де Голлю и Сталин. Осенью 1944 г. де Голль пригласили в Москву. 26 ноября он прибыл через Каир и Тегеран в Баку. Генералу были оказаны подобающие правительственные почести. Он многое увидел во время этой поездки: трагическое величие развалин Сталинграда, русский балет, научные успехи, Кремль. Но больше всего его восхитил вид солдат. “Да, это была она – вечная русская армия”, – заметил он. Увидел бы он её сейчас?! Де Голль по мнил русский императорский корпус, который в Первую мировую войну сражался под Верденом.

Идея де Голля о заключении с СССР союза о дружбе и сотрудничестве встретила у Сталина полное понимание. Камнем преткновения стал вопрос о том, какое правительство признавать в Польше законным? То, что в Люблине, поддерживаемое Москвой, или то, которое находилось в изгнании в Лондоне? Де Голль не уступал Сталину. Сталин пошёл на уступку: русским, – сказал он, – достаточно простого обмена представителями между Парижем и Люблином. Де Голль отложил отъезд из Москвы, договор был подписан. Столы были вновь мгновенно накрыты. Сталин поднял тост за великую и прекрасную Францию. Он ценил де Голля по достоинству. Де Голль вспоминает: “Улыбаясь, Сталин сказал мне: “Вы хорошо держались! В добрый час! Люблю иметь дело с человеком, который знает, чего хочет!...” Де Голль пригласил Сталина в освобождённый Париж: “Приедете ли Вы повидать нас в Париже?” Сталин ответил: “Как это сделать? Ведь я уже стар. Скоро умру”¹⁴.

Задумаемся, что же всё-таки заставило великие державы с такими разными традициями, задачами, интересами, социальным строем объединиться против Гитлера? Чем руководствовались такие политические исполины, как Рузвельт, Черчилль, де Голль, приглашая коммуниста Сталина забыть старые обиды и выступить вместе против общего врага? Конечно, они защищали ценности своего строя. Но, думаю, главным для всех была угроза национального порабощения! Был задействован тот самый вечный закон, который де Голль называл “железным законом национальных интересов”. Нацистские главари видели будущее мироустройство основанным на расовых законах. Полноценной расой для них были только немцы, австрийцы, часть швейцарцев. Всех прочих они располагали вниз по ступеням расовой иерархии. Англичан и голландцев нацисты считали “ожидовлёнными”, французов “выродившимися”, славян “отуреченными”, русских – нордическим народом, который растворился в азиатской бездне “недочеловеков”, американцев – “этническим отбросами”, сбродом без рода и племени. Всем прочим – семитам, “жёлтым” и “чёрным” вообще не оставляли места на земле. Было ясно, что нацисты не остановятся на переделе колоний, рынков и ресурсов. Война для всех союзников была экзистенциальная, отечественная – за право жить в свободе и независимости. У каждого англичанина в сердце был алтарь величия родины, у французов – идеал прекрасной Франции, её великой истории, у русских, шедших на смерть, в сердце, конечно, был не Коминтерн, а Святая Русь!

Кто был инициатором и вдохновителем антигитлеровской коалиции? Все три лидера! Это была объективная необходимость. Сталин в знаменитой речи 3 июля 1941 года обращаясь, как его учили в тифлисской семинарии, к “братьям и сестрам”, заверил, что “в этой войне мы не будем одиноки”, что наша борьба сольётся с борьбой порабождённых народов Европы и пока свободной Америки. Это была не фраза. Неделию спустя, 12 июля, Советский Союз заключил первое соглашение с Англией о взаимной помощи. Всю весну 1941 года английский народ жил в ожидании германского вторжения. Но Гитлер повернул две сотни своих дивизий против СССР. Англия была спасена. 14 августа 1941 года. Рузвельт и Черчилль подписали акт о союзе – знаменитую Атлантическую Хартию. В сентябре советское правительство в Лондоне заявило о “согласии без оговорок с основными принципами Атлантической Хартии, в частности, в отстаивании демократии”. Оно не лукавило: **просто в СССР иначе понимали демократию**. При социализме это была демократия равенства (право на труд, на отдых, на образование и т. д.), на Западе процветала демократия свободы (свобода слова, совести, собраний и т. д.).

До нападения японцев на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. армия и флот США были не задействованы в боевых действиях, но Америка опасалась внезапного нападения. И потому предложила нам экономическую помощь. 2 августа 1941 г. госсекретарь сообщил советскому послу в Вашингтоне, что “правительство Соединённых Штатов решило оказать всё осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооружённой агрессии”. В заявлении подчёркивалось, что “грабительское нападение агрессора... угрожает безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов и соответствует интересам государственной обороны Соединённых Штатов”¹⁵. Америка обязалась предоставить нам беспроцентный кредит на сумму до 1 млрд долларов со сроком погашения через пять лет после окончания войны в течение 10 лет. Это была знаменитая программа ленд-лиза.

Ленд-лиз

В прошедшие десятилетия часто поднимался вопрос о значении ленд-лиза. Споры о нём – наглядный пример недобросовестности исследователей как в Советском Союзе, так и в Америке. За океаном договаривались до того, что без ленд-лиза Советский Союз проиграл бы войну. У нас пропагандисты заявляли, что участие США в войне свелось к “поставкам тушёнки”. Статистика – лукавая наука. В годы “холодной войны” у нас иногда ссылались на тот факт, что поставки по ленд-лизу составляли не более чем 4% валовой промышленности СССР в 1941–1945 гг. Это верно. Но адмирал флота В. Черна-

вин подсчитал помощь США, Англии и Канады поштучно: самолётов было поставлено 22 195, танков 12 990, автомашин свыше 500 000, различных артиллерийских орудий 5 000¹⁶. В общем объёме поставок боевой техники нашей армии доля ленд-лиза по кораблям составила 32,4%, радиолокационной аппаратуры – свыше 80%, паровозов 42,1%, грузовых и легковых автомобилей – 66,1%. От союзников шли транспорты снарядов, взрывчатки, обмундирования, медикаментов и т. д. “Без ленд-лиза, – вспоминал А. И. Микоян, – мы бы наверняка ещё год-полтора лишних провоевали”¹⁷.

О важности поставок по ленд-лизу свидетельствует недавно опубликованная в США полная переписка Рузвельта со Сталиным¹⁸. Из неё видно, что Рузвельт лично следил за поставками по ленд-лизу. Он искренне негодовал, когда нерадивые чиновники или ненавистники России задерживали транспорты: “Прошло уже шесть недель, как началась война в России, а мы практически не сделали, что мы обязались доставить в Сибирь. Скажу откровенно, если бы я был русским, я бы счёл, что Соединённые Штаты водят нас за нос! Действуйте от моего имени, покажите кулак... будьте, как заноза под седлом. Наступайте!”¹⁹

Двадцать лет спустя после войны мне довелось вести неторопливые беседы с бывшими американскими, английскими и канадскими боевыми офицерами “Северного конвоя”. Какие это были крепкие люди! Верные наши друзья. Они в деталях рассказывали, насколько это была опасная боевая задача, сколько друзей они потеряли в этом “коридоре смерти”, как сердечно встречались с нашими моряками в Мурманске. Эти простые, отважные люди смущённо признавали, что Второй фронт был, конечно, открыт поздновато, только за 11 месяцев до окончания войны. Некоторые из них ссылались на войну с Японией. Там тоже шли ожесточённые бои. Но наши союзники на совещании в Вашингтоне 22 декабря 1941-го – 14 января 1942 г. сами записали обязательство рассматривать Германию главным противником, а район Атлантики–Европы решающим театром военных действий. Так на деле шло становление антигитлеровской коалиции. По оценке такого последовательно объективного исследователя, как Н. И. Капченко, она “уникальное в своём роде явление в мировой истории”, а Сталин “в каком-то смысле был едва ли не главным локомотивом, благодаря которому коалиция не распалась под ударами противоречий и разногласий”²⁰. Печально, – констатирует этот исследователь, – что “у нас для оценки Сталина, даже в тех вопросах, где он твёрдо, последовательно и искусно отстаивал государственные интересы страны, как правило, не находится слов одобрения”²¹.

Второй фронт

С первых дней Отечественной войны наше правительство поставило перед союзниками вопрос о втором фронте. Союзники обещали его открыть, но обещанного, как говорится, три года ждут.

Второй фронт действительно был открыт в июне 1944 г., через три года после нападения Германии на Советский Союз. Затычка, стоившая нам миллионы жизней, в известной мере объяснялась объективными трудностями союзников. На море господствовал немецкий подводный флот, что мешало переброске войск из Америки. С другой стороны, итаलो-германские войска в Северной Африке были слабым противником, которого легко можно было разгромить, не опасаясь больших потерь. Но они продвигались к Суэцкому каналу, угрожая нефтяным источникам Ирака и Саудовской Аравии. Поэтому вместо обещанного открытия Второго фронта в Европе союзники высадились в Северной Африке. Но они сумели отвлечь на себя не более 6–7% сил вермахта.

Бесспорно, это была стратегия сбережения собственных сил за счёт, скажем прямо, истекавшего кровью советского народа. Нельзя забывать, что многие политики типа Гарри Трумэна с самого начала систематически саботировали сотрудничество с Советским Союзом. Рузвельт знал это и был поэтому вынужден иногда устанавливать прямые отношения со Сталиным, минуя бюрократию Госдепартамента. В письме весной 1942 г. военному министру Генри Моргентау он писал, что прав Сталин, когда не доверяет Черчиллю. **Согласно недавно опубликованным документам американские военные под нажи-**

мом Рузвельта планировали уже в 1942 году открыть Второй фронт в Европе. Но Черчилль категорически отказался в этом участвовать. Рузвельт во время переговоров с Молотовым в Вашингтоне в мае 1942 г. пытался объяснить отсрочку открытия Второго фронта. Он сказал, что хочет лично встретиться “с великим человеком нашего времени”, со Сталиным. Но дифирамбы не успокоили Сталина²². Он требовал не слов, а дел, исполнения взятого обязательства. В послании от 23 июля 1942 г. он, отбросив дипломатические вежливости, писал Черчиллю, что “вопрос об организации Второго фронта в Европе, боюсь, начинает принимать несерьезный характер”. Сталин задавал вопрос, что союзникам мешает высадиться в Европе в 1942 году? Ведь “почти все силы немецких войск, — писал он, — и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт...”²³. Действительно, военные действия в Западной Европе почти не велись. Наша армия, неся огромные потери, в тяжелейших боях перемалывала 200 отборных немецких дивизий и 30 дивизий гитлеровских союзников. Наше правительство просило союзников оттянуть на себя хотя бы 30–40 немецких дивизий.

Вопрос о Втором фронте стал наиболее спорным в межсоюзнических отношениях. Дело доходило до разрыва отношений между Черчиллем и Сталиным. “Премьер-министр, — говорил Сталин в 1943 г. его министру Идену, — хочет, чтобы ему достались более лёгкие дела, а нам, русским, более трудные. Это можно было бы сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать всё время”²⁴. В борьбе за открытие Второго фронта в 1942–1943 гг. наше правительство не добилось успеха. Черчилль вёл свою геополитическую игру. Это была его антирусская “балканская стратегия”. Президент Рузвельт объяснял своему сыну Эллиоту: “Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствующим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет: ... врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...”²⁵.

Понимали наши союзники и то, что после разгрома фашистских полчищ в 1943 г. военно-политическая и стратегическая обстановка быстро менялась в пользу России. Советские войска приближались к своим границам, в фашистском блоке нарастал кризис, активизировалось национально-освободительное движение в порабощённых Гитлером странах. Всё это заставляло их пересмотреть “периферийную стратегию” Черчилля и готовиться к войне на границах рейха. За два года до окончания войны многим стало ясно, что наша победа над вермахтом под Сталинградом была фактически равна победе в отдельной крупной войне, что раньше или позднее, Россия и в одиночку разгромит Германию. Рузвельт был озабочен послевоенным устройством мира, которое он называл “Веком Америки”. Поэтому важно было, с каким соотношением сил союзники придут к столу переговоров. Это подтверждает сын Рузвельта Эллиот. Осенью 1943 года Рузвельт сказал ему: “Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, будущей весной Второй фронт и не понадобится”²⁶. Эту оценку обстановки подтвердил и посол США в СССР А. Гарриман: “Советский Союз мог выиграть войну и без помощи союзников”²⁷. Это по поводу нынешних надуманных споров, кто внёс решающий вклад в разгром фашизма.

Несмотря на блестящие победы, Сталин согласился на открытие Второго фронта даже летом 1944 года и объяснял это тем, что Второй фронт всё-таки уменьшит наши потери в живой силе (это к слову о том, будто Сталина, да и Жукова нимало не заботило число погибших). Наше правительство и Генеральный штаб считали, что наилучшим местом для высадки десанта союзников была бы Северная Франция. Этот план был изложен на Тегеранской конференции. Высадку в сентябре 1943 г. союзных войск в Италии против 9–10 немецких дивизий наш Генеральный штаб никак не мог считать Вторым фронтом. Против Советской Армии воевали в это время 260 дивизий.

Наше молодое поколение сравнительно хорошо знает историю Тегеранской конференции, состоявшейся в 1943 г. Знает о заговоре немецкой разведки, о срыве покушения на лидеров США и Англии, о том, что Рузвельт принял приглашение поселиться в советском посольстве. Он хотел понять характер и намерения Сталина, заручиться его поддержкой по вопросу о будущем колониальных империй, об ООН и по многим другим проблемам, особенно по тем, по которым он не мог договориться с Черчиллем. Он искал поддержки со-

ветского лидера и делал много шагов для того, чтобы завоевать его доверие. И надо сказать, что преуспел в этом. Но были между ними и серьёзные разногласия. Например, вопрос о будущем побеждённой Германии. Приведу стенограмму Тегеранской конференции:

“Сталин. ...Какие ещё вопросы имеются для обсуждения?”

Рузвельт. Вопрос о Германии.

Сталин. Какие предложения имеются по этому поводу?

Рузвельт. Расчленение Германии.

Черчилль. Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Рузвельт. ...Я хотел бы изложить составленный мной лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств²⁸.

Советское руководство весьма осторожно отнеслось к плану союзников о расчленении Германии. Гитлеры приходят и уходят, а Германия, а народ немецкий остаются, — повторял Сталин. В докладе в годовщину Октябрьской революции в 1942 г. Сталин говорил: **“У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию”**. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. наше правительство согласилось разделить Германию только на оккупационные зоны.

В годы холодной войны на Западе многие историки стали утверждать, что Россия была инициатором расчленения Германии. Сталин в Ялте вернулся к теме о ликвидации Пруссии — очага германского милитаризма. Во время обсуждения в Тегеране вопроса о расчленении Германии он говорил союзникам без обиняков следующее: “Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически это исконно славянские земли²⁹. Это был один из элементов той стратегии советского правительства, которая была нацелена на возвращение всех земель России. Плодами её до сих пор пользуются, но ругают последними словами советскую дипломатию.

Отмечая 65-ю годовщину во многих отношениях утерянной Победы, надо помнить и славные дела наших союзников, особенно их высадку в Нормандии 6 июня 1944 года. Сталин писал в те дни: “Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения³⁰. Черчилль откликнулся на эту редкую похвалу Сталина: “Мы весьма ценим такие высказывания, исходящие от вождя героических русских армий”, — писал он 27 сентября 1944 года.

В этом же послании Черчилль дал оценку роли России в этой грандиозной войне: “Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своём фронте несравненно большую часть сил противника”. Современным фальсификаторам истории следовало бы изучать документы, тогда они не оказывались бы так часто в глупом положении. Из документов видно, что и после открытия Второго фронта во второй половине 1944 года немецкое командование перебросило против России ещё 59 дивизий и 13 бригад, а с Восточного фронта на Западный фронт всего 12 дивизий и 5 бригад. Когда в феврале 1945 года проходила Ялтинская конференция, нам противостояло 195 дивизий, а союзникам — 74 дивизии³¹.

Англичане и американцы всесторонне готовились к Ялтинской конференции: на ней должны были договариваться о послевоенном мироустройстве. Однако за несколько недель до встречи в Ялте, в декабре 1944 года вермахт перешёл в контрнаступление в Арденнах (Бельгия), и союзники, оказавшись просто в отчаянном положении, вновь обратились за помощью к России. “Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, — писал Черчилль Сталину, — можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, или любые другие моменты...” Сталин без промедления ответил: “Ставка Верховного Главнокомандующего откроет широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января³². Обещание были выполнено досрочно. Так советское правительство готовилось к Ялтинской конференции.

Сепаратный мир

Сталин чрезвычайно заботился о поддержании особых доверительных отношений с Рузвельтом. Его тревожило, что Рузвельту от посла Гарримана стало известно, что Черчилль, будучи в октябре 1944 году в Москве, пытался договориться о разделе Европы на английскую и советскую сферы влияния. Он положил на стол перед Сталиным лист бумаги, который шутивно назвал “грязным документом”. В нём указывались страны и проценты влияния Англии и СССР на Балканах. Сталин вернул документы... Он предложил обсудить этот вопрос в Ялте в присутствии Рузвельта³³.

Наше правительство ясно понимало, что если кто и способен пресечь попытки союзников заключить с Германией сепаратный мир, так это был Рузвельт. Но его окружение состояло из таких политиков, как Трумэн, братья Даллесы и другие, которые ненавидели Советский Союз и его социалистический строй, **как и саму Россию**. Опасность сделки с фашистами за счёт России была вполне реальной. Отправляя в США резидента нашей разведки Зарубина, Сталин первой среди задач разведки назвал задачу следить, чтобы “Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир”.

Попытки в этом направлении появились сразу после поражения вермахта под Сталинградом. Посредником выступал папа Пий XII. В Ватикане контакты начались осенью 1943 года. Американский кардинал Спеллман вёл переговоры с заместителем Риббентропа Вайцзеккером и итальянским графом Чиано. Кардинал в строжайшей секретности встречался и с самим Риббентропом. Вайцзеккер в Ватикане вёл переговоры с послами США и Англии. Было и посредничество Франко в Испании. В феврале 1943 года фашистский дипломат Гогенлоэ вёл переговоры с главой американской разведки А. Даллесом. Договоривались о создании “санитарного кордона против большевизма и панславизма”.

Западные разведки имели постоянные связи и с немецкими заговорщиками против Гитлера: немецкие войска с июля 1944 года начнут отступать, без боёв сдавая союзникам страны и земли Германии, а войска будут перебросены на Восток против русских. О заключении перемирия по телефону говорили зимой 1944–1945 гг. немецкий фельдмаршал Кейтель, генерал Эйзенхауэр и английский командующий Монтгомери. Немцы не уступили. Тогда в марте 1945 года генерал СС Вольф запросил встречи с Даллесом в Цюрихе.

В Москве знали о большинстве этих контактов. Советский Союз требовал соблюдения союзнических договоров, то есть того, что переговоры могут вестись только о безоговорочной капитуляции при участии всех союзников, включая Францию.

Сталин направил 3 апреля 1945 года такое послание Рузвельту: “Вы утверждаете, что никаких переговоров не было ещё. Надо полагать, что Вас не информировали полностью”³⁴. Не исключено, что так и было: западные разведки порой преподносили Рузвельту переговоры с фашистами как безобидные пробные шары. В итоге Рузвельт, учитывая бескомпромиссную позицию Москвы, запретил пускать и пробные шары.

Так благодаря слаженной и чрезвычайно настойчивой работе нашей разведки были сорваны вполне реальные планы развала антигитлеровской коалиции и заключения западными державами сепаратного мира с Германией и её союзниками.

Стратег Победы

На конференции в Ялте Рузвельт спросил Сталина, сможет ли Россия внести свой вклад в войну против Японии? Сталин обещал сделать это через три месяца после разгрома Германии. Наша страна, как известно, день в день выполняла обещание, данное Рузвельту. Его уже не было в живых: 12 апреля 1945 г. он скончался “от кровоизлияния в мозг” (как и Сталин через девять лет). За день до смерти он обсуждал с доверенными лицами щекотливую проблему: как воспрепятствовать Черчиллю разрушить установившееся между Рузвельтом и Сталиным доверие? За несколько часов до смерти он в телеграмме вполне определённо предупреждал Черчилля, что не намерен обострять отношения с Россией: “Я бы свёл советскую проблему к минимуму... Эти про-

блемы были, есть и будут в той или иной форме возникать и разрешаться ежедневно³⁵. То был курс на мирное сотрудничество, а не на холодную войну.

Сталин был потрясён известием о скоростижной смерти Рузвельта, ибо он знал о взглядах Черчилля, Трумэна и прочих “ястребов”. Тем с большим вниманием он стал относиться к работе по созданию ООН. Как явствует из рассекречиваемых документов, у Черчилля после смерти Рузвельта возникла идея силой вытеснить советские войска из Польши и Австрии. Он собирался привлечь к тотальной войне против СССР и остатки вермахта: в одной только Норвегии ещё оставалось 400 тысяч свежих немецких войск. Войну Черчилль планировал начать 1 июля 1945 г. Он нашёл поддержку у Трумэна, ставшего президентом США. В поздравлении ему в апреле 1945 г. он впервые заговорил о “железном занавесе”. Этот фантастический план назывался “Немыслимое”. Он был критически оценен трезво мыслящими английскими военными специалистами во главе с фельдмаршалом Бруком и отвергнут: превосходящие силы русских без сомнения опрокинули бы всякие попытки пересмотреть итоги этой войны³⁶.

Союзники пытались пересмотреть договорённости, достигнутые в Ялте при Рузвельте. Это им не удалось на конференции в Потсдаме 17 июля – 2 августа 1945 года. Не удалось, несмотря на то, что Трумэн бросил на стол переговоров такой козырь, как атомная бомба. Черчилль вспоминает, какое впечатлительное произвело на Сталина сообщение Трумэна 24 июля в Потсдаме о наличии нового грозного оружия: “Казалось, что Сталин был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы!.. Какая удача!.. Я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чём ему рассказывал Трумэн. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершилась, то это сразу было бы заметно³⁷”. Черчилль и Трумэн решили, что Сталин вообще не был осведомлён об атомном оружии. Маршал Жуков сообщает об этом важном событии так: “На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моём присутствии рассказал В. М. Молотову о разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

– Цену себе набивают.

И. В. Сталин рассмеялся: пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы³⁸”.

Отмечая 65-ю годовщину великой Победы, наш народ, молодые люди, для которых это уже далёкая история, хотят знать правду о том, кто привёл Россию к немеркнущим подвигам, и в частности, кто определял внешнеполитическую стратегию. Отрицать роль Сталина в войне не умно, просто смешно и вредно. Это всё равно, что забыть о Наполеоне в истории наполеоновских войн. Как и Сталин, Наполеон был жестокой, крайне противоречивой личностью. В первой половине XIX века такие же контрреволюционеры, как наши теперешние либералы, развенчивали Наполеона, пытались всячески очернить его имя, вычеркнуть из истории. И что же? Каковы их успехи? Разгромленный Наполеон остаётся самой яркой звездой во французской истории. Походите по Парижу: великое множество площадей и бульваров связаны с именем Наполеона, его маршалов, его генералов, его офицеров, штабных, связанных и т. д. Никому не удалось выбросить их из истории.

Не удастся и опорочить деятельность Сталина во время войны. Хрущёв пытался убедить народ, что Сталин не выезжал на фронт, что “войной руководил по глобусу”. Кто ему поверил? Он сам стал посмешищем. О роли Сталина в войне свидетельствуют объективнее всего оценки лидеров антигитлеровской коалиции. Рузвельт писал Сталину по поводу победы в Сталинградской битве: “162 дня шло эпическое сражение за город, который навсегда прославит Ваше имя³⁹”. Во славу Сталинградской битвы всюду в мире есть улицы и площади Сталинграда, всюду, кроме России, по воле её взбалмошных, неумных и неблагородных правителей.

Приведу оценку де Голлем нашей победы под Москвой. “Поражение, нанесённое Гитлеру Сталиным... означает, что завтра Россия несомненно будет фигурировать в первом ряду победителей, даёт Европе и всему миру гарантию равновесия, радоваться которому у Франции гораздо больше оснований, чем у любой другой державы⁴⁰”. Из этого видим, что де Голль уже в 1941 г. задумывал “ось Париж–Москва”, стратегию Европы до Урала. Пришло время вплотную её осуществлять.

Высокую оценку деятельности Сталина давал и самый упорный и гибкий его оппонент Черчилль. В парламенте в сентябре 1942 года он говорил: “Для России большое счастье, что в час страданий во главе её стоит этот великий и твёрдый полководец! Сталин является крупной и сильной личностью... это человек неистощимого мужества и силы воли... человек со спасительным чувством юмора...”⁴¹.

Могут сказать, что всё это не более чем дипломатические ужимки. Но вот что писал о Сталине в 60-е годы в разгар холодной войны знаменитый английский государственный деятель А. Иден: “Сталин изначально произвёл на меня впечатление своим дарованием, и моё мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, и её оценка не требовала преувеличений... Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог себе до конца объяснить”⁴².

В заключение выскажу уверенность: имя Сталина, его дела, несмотря на его жестокости в той жестокой эпохе, на века останутся в памяти народов. Ветер истории уже начал сметать – как и предвидел Сталин – с его могилы весь мусор, который набросали за полвека его хулители. Отмечая нашу великую Победу, нельзя отторгнуть от неё имя Сталина. Эти два слова в народном сознании срослись: имя Сталина остаётся символом народной Победы.

Народ ждёт нового вождя, новых побед, тоскует по великому общему делу. В либеральном лихолетье он их не нашёл и прозябает в апатии. Новые победы? Для русских, с их обострённым чувством справедливости, победы, достижения, героизм невозможны в обществе дикого неравенства, где богам стали деньги, а апостолами и героями банкиры и биржевые спекулянты, где новыми “маршалами” неудач и провалов стали либералы-монетаристы.

Когда исчезает надежда, остаётся только вера, вера в новое русское чудо. К счастью, вера начала заполнять пустоты русской жизни. Вот и я пишу эту статью с верой, что пули, пущенные из прошлого, становятся снарядами в борьбе за будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Книга третья, тт. 5–6, с. 558. Далее в некоторых других местах статьи цитаты из редких источников приводятся по фундаментальной трилогии известного историка Н. И. Капченко “Политическая биография Сталина”, в трёх томах. Тверь, издательство “Союз”, 2009.
- ² Цит. по: Кожин Вадим. Россия. Век XX (1939–1964). М., 2002, с. 24.
- ³ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тт. 5–6, с. 228.
- ⁴ Де Голль Шарль. Военные мемуары. М., 1960, с. 119.
- ⁵ Цит. по: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1973, с. 141.
- ⁶ *Commentaire*, Été 2008, Paris, p. 436.
- ⁷ *Union Adress*, 1934.
- ⁸ Борис Ключников. “Дорогой мистер Сталин!” Рузвельт и Сталин о новом мироустройстве. “Наш современник”, № 12, 2008.
- ⁹ FDR//www.Roosevelt confronts Churchill.
- ¹⁰ Де Голль Шарль. Военные мемуары. М., 1960, т. I, с. 190.
- ¹¹ Там же, с. 190–191.
- ¹² Там же.
- ¹³ Цитировано по: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1975, с. 190.
- ¹⁴ Там же, с. 262.
- ¹⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I, с. 147.
- ¹⁶ Труд адмирала В. Чернавина “Ленд-лиз в системе второй мировой войны” (электронная версия) цитирован по: Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. Изд-во “Союз”, Тверь, 2009, т. III, с. 415.
- ¹⁷ Там же, с. 416.
- ¹⁸ *Complete Correspondence of Franklin Delano Roosevelt and Joseph V. Stalin*. Susan Butler, ed., New Haven: Yale University Press, 2005.

- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. С. 418–419.
- ²¹ Там же.
- ²² Ржевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997, с. 179.
- ²³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1976, т. I. С. 69.
- ²⁴ Цит. по: Капченко Н. И., с. 439.
- ²⁵ Эллиот Рузвельт. Его глазами... с. 186–187.
- ²⁶ Там же, с. 161.
- ²⁷ Цит. по: Капченко Н. И., с. 24; David Eisenhower at war 1943–1945, N. Y. 1986, p. 16.
- ²⁸ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав, с. 129–140.
- ²⁹ Там же, с. 167.
- ³⁰ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза, с. 148.
- ³¹ Переписка. Т. 1, с. 305.
- ³² Там же, с. 348–349.
- ³³ См. Complete Correspondence of F. D. Roosevelt and Joseph V. Stalin. Susan Butler... Yale University Press, 2005, а также анализ этого эпизода в работе Капченко Н. И.: Политическая биография Сталина. Тверь, Изд-во “Союз”, 2009, с. 450.
- ³⁴ Переписка... Т. 3, с. 220.
- ³⁵ Цит. по: Iones William Roosevelt – Stalin Correspondence Sheeds lights on FDR Post War Vision.
- ³⁶ См. подробнее об этом трилогию Н. И. Капченко. Политическая биография Сталина... с. 460–461.
- ³⁷ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Книга третья: т. 5–6, с. 683.
- ³⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2, с. 418.
- ³⁹ См. Борис Ключников. “Дорогой мистер Сталин”. Рузвельт и Сталин о новом мироустройстве”. “Наш современник”, 2008, № 12, с. 193.
- ⁴⁰ Цит. по: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1976, с. 173.
- ⁴¹ Цит. по: Капченко Н. И... т. III, с. 409.
- ⁴² Там же, с. 410.